

ВОПРОСЫ ЭТНОГЕНЕЗА ПАЛЕОЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭТНОГРАФИИ

Э. А. РИКМАН

ПОЗДНИЕ САРМАТЫ ДНЕСТРОВСКО-ДУНАЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

Среди «варварских» племен, ведших многовековую борьбу с рабовладельческим римским государством и в конце концов сокрушивших его, были ираноязычные сарматы (аланы, роксоланы и языги). Роль этих племен в исторических битвах эпохи «великого переселения народов», конец которой ознаменовался переходом от рабовладельческой формации к феодальной, в исторической литературе нередко недооценивается по сравнению с ролью германских, фракийских племен. Мало изучены культура позднесарматских племен, их общественный строй и политическая история. Отдельные успешные попытки в этом направлении сделаны румынскими исследователями, указавшими на факт расселения поздних сарматов в Подунавье и давшими очерк их материальной и духовной культуры¹. В зарубежной и советской археологической и исторической литературе нет достаточно четких взглядов относительно ареала расселения и степени заселенности поздними сарматами районов Днестровско-Дунайского междуречья, т. е. именно там, где поздние сарматы вступали в наиболее активную борьбу с рабовладельческим миром. Так, П. Н. Третьяков писал, что «сарматы, по-видимому, лишь отдельными группами кочевали в Поднепровье и к западу от него», что «Древняя Скифия стала именоваться Сарматией отнюдь не потому, что повсюду произошли серьезные изменения в этническом составе населения, а потому, что в степных областях, ближайших к причерноморским городам, сарматы выдвинулись на первое место в политическом и военном отношении»².

В работах В. Н. Дьякова³, В. А. Кузнецова и В. К. Пудовина⁴ из района расселения позднесарматских племен исключено Днестровско-Дунайское междуречье. В последней из упомянутых работ высказанные авторами взгляды лишают исторической основы то движение алан в Западную Европу, о котором пишут сами исследователи: ведь в Западную Европу аланы проникли именно через Днестровско-Дунайское

¹ «Istoria României», I, București, 1960, стр. 671—682.

² П. Н. Третьяков, Восточнославянские племена, М., 1959, стр. 101.

³ В. Н. Дьяков, Социальная и политическая борьба в Римской империи в середине III в. н. э., «Вестник древней истории» (ВДИ), 1961, № 1, стр. 89.

⁴ В. А. Кузнецов и В. К. Пудовин, Аланы в эпоху «великого переселения народов», — «Сов. археология», 1961, № 2, стр. 79.

междуречье. И. Вернер, характеризуя в своем капитальном исследовании племена предгуннского времени, не говорит о сарматах к западу от Днестра и не упоминает о позднесарматских могильниках в этом районе⁵.

Между тем высокая военная и политическая активность сарматов заставляет усомниться в приведенных взглядах. Достаточно вспомнить опустошительный набег сарматов (роксолан) на империю в 68—69 гг. н. э. и в особенности войну великого союза варварских племен Средней и Восточной Европы против Римской империи 166—175 гг. н. э. — первую Маркоманскую войну, которая вследствие ведущего участия в ней сарматов носит название Сарматской⁶. Активность сарматов в течение нескольких столетий не могла бы быть высокой и действенной, если бы они были малочисленны в районах, прилегавших к рабовладельческим государствам.

В противоположность приведенным выше взглядам перечисленных исследователей, думаю, что Днестровско-Дунайское междуречье было достаточно интенсивно заселено сарматскими племенами в первых столетиях нашей эры. Вопреки распространенному мнению, они освоили не только степную, но и лесостепную зону. О широком расселении сарматов в Европе писал Тацит (I в. н. э.). Вероятно, не только политическим господством сармато-аланского племенного союза, но и самим широким расселением сарматов вызвано появление в «Географическом руководстве» Птолемея (II в. н. э.) терминов «Европейская Сарматия» и «Сарматские горы» — часть Карпат. Аммиан Марцеллин (375 г.) указывал, что земли сарматов простирались от Дуная до Танаиса. К данным письменных источников надо добавить, что на территории Днестровско-Дунайского междуречья в степной и лесостепной зонах найдено свыше четырех десятков позднесарматских могильников, совокупность которых не образует очерченных самостоятельных зон или областей. Они рассеяны среди памятников, принадлежащих гето-дакам, карпам, бастарнам, германцам, а также кельтам (рис. 1).

Переходя к обзору позднесарматских памятников, необходимо отметить, что одной из задач, стоящих перед исследователями поздних сарматов, является изучение их памятников на территории к западу от Днестра, а в особенности — западнее Днестра и в Подунавье. Раскопки, которые вели русские археологи до Великой Октябрьской социалистической революции, дали ряд погребений, не получивших достаточно полного определения. Исследования в этой области, которые вели и ведут советские и румынские археологи, еще эпизодичны и недостаточны.

На территории Днестровско-Прутского междуречья отдельные сарматские погребения были вскрыты при работах Д. Я. Самоквасова, Н. Н. Морошана, А. И. Мелюковой, Т. Г. Оболдуевой, Г. П. Сергеева, Н. А. Кетрару, Г. Б. Федорова и автора настоящей статьи. Наибольшее значение для исследования позднесарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья имеют раскопки могильника Боканы, произведенные Г. Б. Федоровым. В его работах описан богатый и разнообразный материал могильника и сделан вывод о смешанном сармато-черняховском характере культуры населения, представленного в могильнике⁷. Этот памятник Г. Б. Федоров относит к ранней фазе черняховской культуры II—III вв. н. э., отмечая, впрочем, что «могильник по обряду погребений и инвентарю ближе всего к сарматским могильни-

⁵ J. Werner, Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, München, 1956, стр. 7.

⁶ Ю. Капитолин, Марк Антоний — философ, 25, ВДИ, 1949, № 3, стр. 258.

⁷ Г. Б. Федоров, К вопросу о сарматской культуре в Молдавии, «Изв. Молд. филиала АН СССР», 1960, № 4 (31); его же, Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э., «Материалы и исследования по археологии СССР» (МИА СССР), № 89, М., 1960.

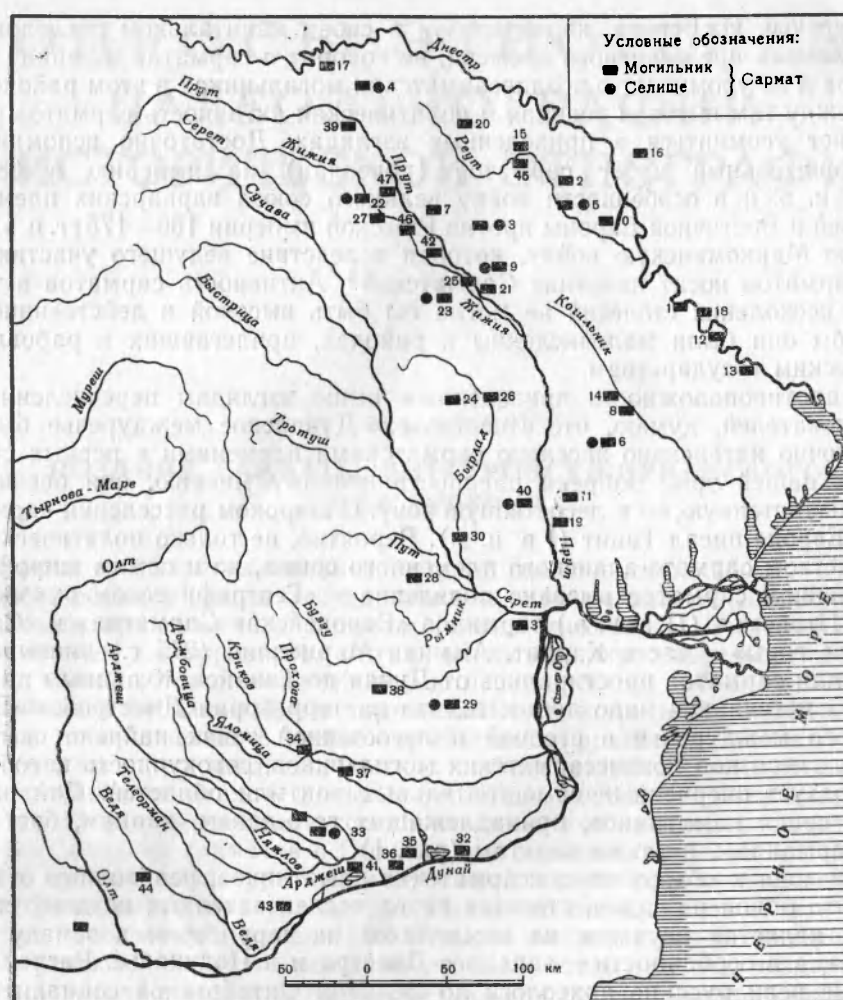

Рис. 1. Карта распространения позднесарматских памятников Днестровско-Дунайского междуречья. 1 — Токмазея, 2 — Скаены, 3 — Боканы, 4 — Маркауцы, 5 — Негурены, 6 — Комрат, 7 — Виишора, 8 — Чимншлия, 9 — Старая Сарата, 10 — Чишмя, 11 — Зернесты, 12 — Кицканы, 13 — Олонесты, 14 — Градишта, 15 — Флорешты, 16 — Михайловское, 17 — Ленковцы, 18 — Красногорка, 19 — Кагул, 20 — Надушита, 21 — Концешты, 22 — Трушешты, 23 — Валя Лупулуй, 24 — Поянесты, 25 — Холбока, 26 — Васлуй, 27 — Погэрэшту, 28 — Фокшаны, 29 — Ларга, 30 — Текуч, 31 — Шендрень, 32 — Кэлэраш, 33 — Жилава, 34 — Тыргшор, 35 — Татина, 36 — Улмень, 37 — Дриду, 38 — Сменъ, 39 — Миток, 40 — Балинтешты, 41 — Кэсчореле, 42 — Пробота, 43 — Ойнак, 44 — Рошиор де Веде, 45 — Пражила, 46 — Глэвэнешты векъ, 47 — Штефанешты, 48 — Вэдастра

кам»⁸. Э. А. Симонович полагает, что могильник Боканы является черняховским памятником, в котором запечатлена ассимиляция сарматов носителями черняховской культуры⁹. Как видно, Г. Б. Федоров не из-

⁸ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья, стр. 86.

⁹ Э. А. Симонович, К вопросу о скифской принадлежности черняховской культуры, «Сов. археология», 1962, № 2, стр. 41.

бежал в своих выводах того отождествления сарматской и черняховской культур, о котором писал К. Ф. Смирнов¹⁰.

Известный материал по позднесарматской культуре накоплен при раскопках и разведках румынских археологов М. Петреску-Дымбовица, С. Моринца, Е. Захария, Т. Драгомира, И. Нестора и других. В работе С. Моринца содержится определение позднесарматской, в частности роксоланской культуры, проводится правильная мысль о том, что позднесарматская и черняховская культуры различны, причем позднесарматская культура, по мнению С. Моринца, предшествует черняховской и относится к III в. н. э.¹¹ Авторы «Истории Румынии»¹² отличают позднесарматскую культуру от черняховской, относя первую к III—IV и последующим столетиям н. э.

Думается, что проделанные исследования — лишь первые шаги по изучению позднесарматской культуры, принадлежащей племенам, которые сыграли такую значительную роль в этногенезе народов Европы¹³. В свете этих задач определенное значение имеет уточнение и свodka данных, относящихся к Днестровско-Дунайскому междуречью, что и является задачей предлагаемой статьи.

Известные нам сарматские памятники изучены неравномерно. Могильники Боканы и Тыршор представлены многими видами инвентаря и погребальными комплексами. Раскопан на большой площади могильник Трушешть. Но материалы этого памятника почти не опубликованы. Остальные могильники представлены разрозненным и неполным материалом, полученным при сборах или разведывательных раскопках, что снижает его научную ценность. Однако в этом материале можно выявить некоторые общие черты, которые будут рассмотрены ниже.

Сперва обратимся к наиболее раннему из позднесарматских могильников Днестровско-Дунайского междуречья, к инвентарю погребения с остатками труположения, обнаруженного при земляных работах на памятнике у с. Скаены¹⁴. В этом захоронении найдены: бронзовое зеркало диаметром 14 см с отверстиями, служившими для прикрепления ручки (рис. 2, 1), ожерелье из крупных зонных бус из многоцветной пасты (рис. 2, 3) (позолоченные, белая паста с синими глазками, зеленые с сине-белыми глазками, синие с белыми полосами, с разводами красно-сине-бело-желтые, с разводами бело-черные и, наконец, эллипсоидная с бело-черными разводами). В погребении найдены также бронзовый щиток (рис. 2, 4), два бронзовых перстня со щитками (рис. 2, 5) и, наконец, бронзовая фибула (рис. 2, 2). Последняя характеризуется короткой пружиной, полушаровидной спинкой и небольшим треугольным пластинчатым приемником.

Крупные зеркала, подобные тому, которое найдено в Скаенах, судя по аналогии с зеркалами из погребений поволжских сарматов, датируются IV в. до н. э.—II в. н. э.¹⁵ Фибулы, аналогичные найденной в

¹⁰ К. Ф. Смирнов, *Итоги и задачи изучения сарматских племен*, «Сов. археология», XVII, М., 1953, стр. 146.

¹¹ С. Моринца, *Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшинским погребением*, «Dacia», Nouvelle série, III, București, 1959, стр. 470—471.

¹² «Istoria României», стр. 671—682.

¹³ С. П. Толстов, *Скифо-сарматская проблема и ее место во всемирном историческом процессе*, Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г., М., 1962, стр. 8.

¹⁴ Хранится в Государственном историко-краеведческом музее г. Кишинева (ГИКМ).

¹⁵ И. В. Силицын, *Археологические исследования Заволжского отряда «Древности Нижнего Поволжья»*, т. I, МИА СССР, № 60, 1959, стр. 198, 201.

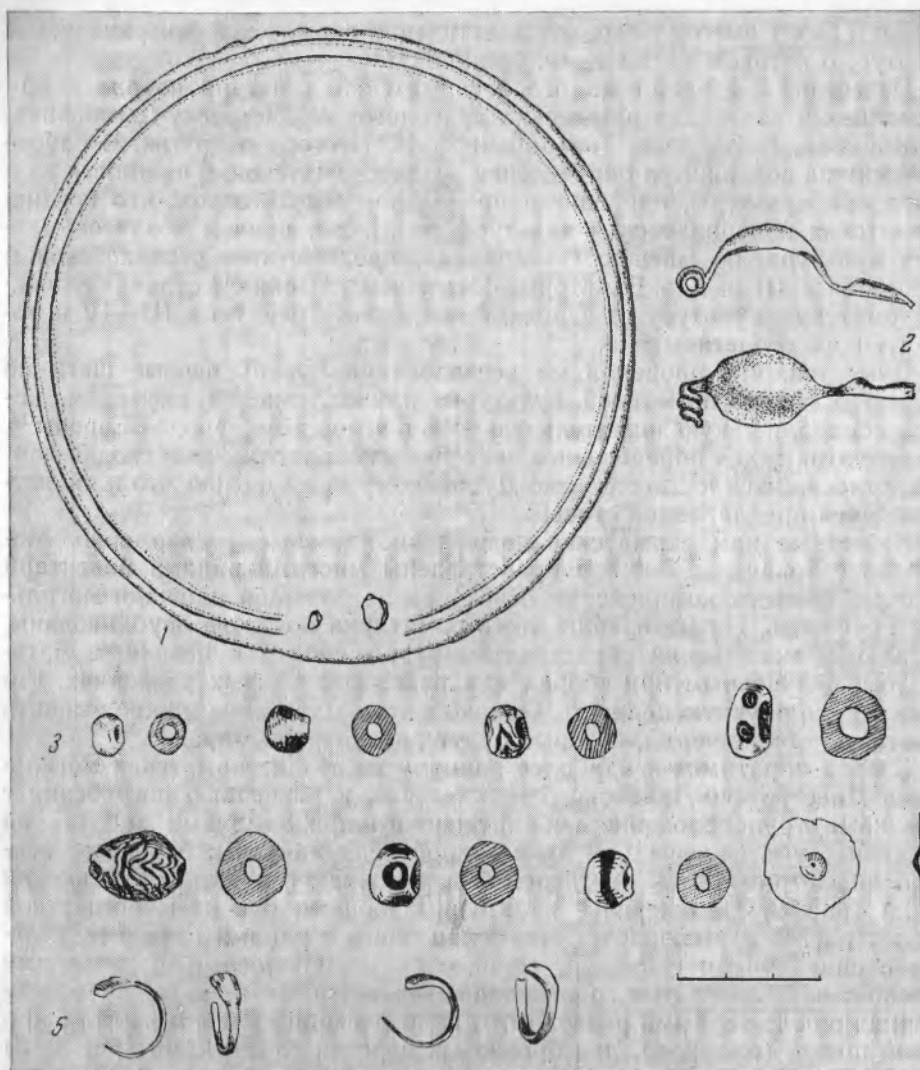

Рис. 2. Могильник Скаены; находки из погребений: 1 — бронзовое зеркало, 2 — бронзовая фибула, 3 — бусы, 4 — бронзовый щиток, 5 — бронзовые перстни

Скаенах, обнаружены в меото-сарматском могильнике у станицы Усть-Лабинской и датируются I в. до н. э.¹⁶, что и ограничивает дату погребения у с. Скаены концом первого тысячелетия до н. э. — началом первого тысячелетия н. э. Могильник Токмазея, где найдена только лепная и раннегончарная посуда типичных сарматских форм, вероятно, относится также к рубежу нашей эры¹⁷ (рис. 3).

Погребения позднесарматских могильников, обнаруженные между нижними Днестром и Дунаем, характеризуются и особенностями этно-

¹⁶ Н. В. Анфимов, Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской, МИА СССР, № 23, М.—Л., 1951, рис. 18, стр. 203.

¹⁷ Н. А. Кетрару и Э. А. Рикман, Новые данные о памятниках первых веков новой эры на территории Молдавии, «Изв. Молд. филиала АН СССР», 1960, № 4 (31), стр. 9, 10.

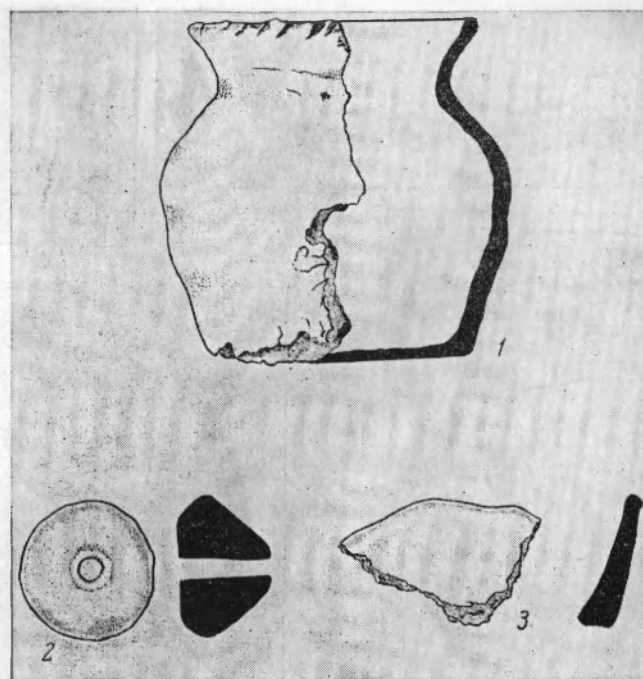

Рис. 3. Могильник Токмазея; находки из погребений:
1 — лепной горшок, 2 — пряслице, 3 — обломок лепной миски

графического характера, заметно выделяющими их среди памятников соседних племен. Для позднесарматских могильников характерен бескурганный обряд трупоположения: вытянутые костяки в простых ямах. Иногда позднесарматские могилы представляют собой впускные погребения в курганах эпохи бронзы (Комрат, Зернешты, Ленковцы, Негурены, Старая Сарата, Валя Лупулуй и др.). В этом проявляется обычай, широко распространенный у сарматских племен¹⁸.

Во всех могильниках костяки вытянуты, ориентированы головой на север (с отклонениями к западу или востоку). Руки то положены вдоль туловища, то покоятся на тазе или груди. Ноги обычно вытянуты, но в погребениях могильника Токмазея наблюдаются скрещенные ноги костяков. Иногда ноги согнуты в коленях. Типичной чертой позднесарматских могильников является наличие в них костяков с черепами, деформированными посредством бинтовой обвязки. Такие черепа обнаружены в могильниках Боканы, Токмазея, Старая Сарата, Красногорка, Ларга, Кэлэраш, Поянешть, Миток, Коинажь, Тыргшор, Татина. Процент черепов относительно невелик в погребениях из могильников междуречья Днестра и Дуная. Так, в могильнике Боканы следы деформации имеют 40% черепов, а в могильнике Тыргшор — 50%. Следовательно, продвинувшись к западу от исконных мест своего обитания, поздние сарматы в значительной мере утратили обычай деформировать черепа, столь характерный для сарматов Поволжья, где, по данным П. Рау и К. Ф. Смирнова, в могильниках насчитывается до 70—80% деформированных черепов.

¹⁸ К. Ф. Смирнов, Быковские курганы, «Древности Нижнего Поволжья», т. II, МИА СССР, № 78, М., 1960, стр. 250

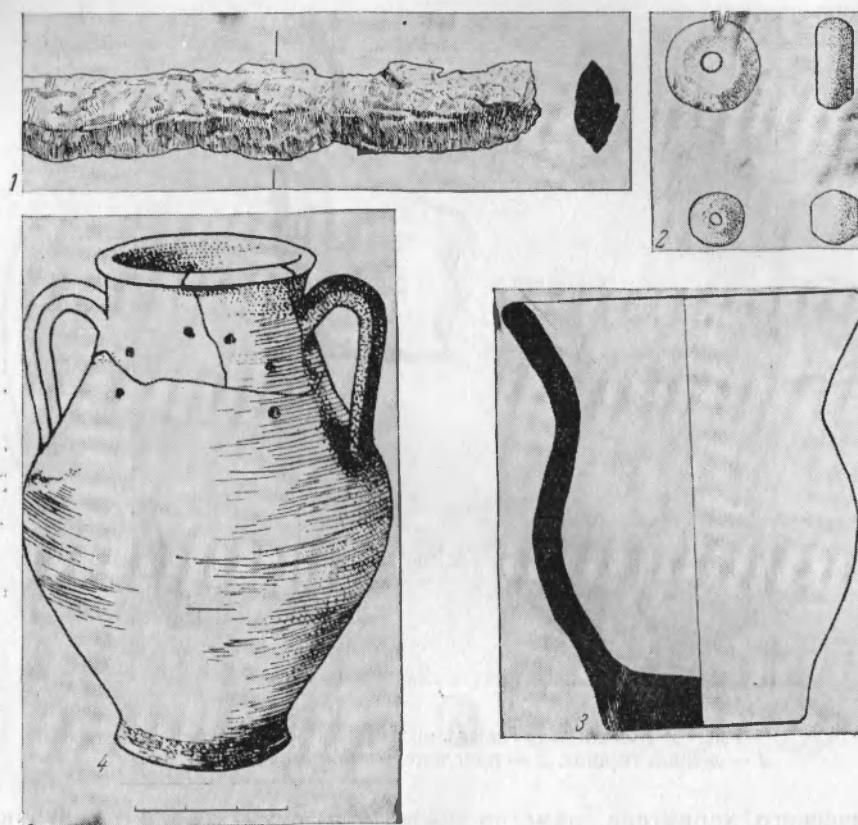

Рис. 4. Могильник Неғурены; находки из погребения мужчины:
1 — обломок меча, 2 — бусы, 3 — лепной горшок, 4 — гончарный кувшин

Позднесарматские погребения по характеру и составу сопровождавшего покойных инвентаря также четко отличаются от погребений представителей других племен. В погребениях могильников Боканы, Маркауцы, Неғурены (рис. 4, 1), Вишшора, Кицканы, Олонешты, Концешты, Михайловское, Валя Лупулуй, Ларга найдены мечи. Это оружие было коротким (около 0,5 м) двулезвийным с треугольным концом клинка, с прямым перекрестием и навершием в виде кольца. Такие мечи найдены в могильниках Олонешты и Ларга¹⁹. Этот тип меча был выработан в I—II вв. н. э. у сарматов Дона, Урала и Кавказа²⁰ и вместе с переселением этого племени распространился на землях между Днестром и Дунаем. Некоторые мечи снабжены полукруглыми навершиями (Маркауцы)²¹. Найдены аналогичные мечи без наверший и перекрестий (Кагул, рис. 5, 3, 4; Валя Лупулуй)²². Среди принадлежностей одежды,

¹⁹ I. T. Dragomir, Săpăturile interprinse la Larga, Materiale și cercetări arheologice (MCA), vol. V, București, 1959, рис. 6, 1—2.

²⁰ P. Rau, Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga, Pokrowsk, 1927, стр. 110—112.

²¹ Э. А. Рикман, Раскопки у с. Будешты, «МИА по археологии Юго-Запада СССР и РНР», Кишинев, 1960, стр. 16.

²² M. Dinu, Descoperirile arheologice de la Valea Lupului-Iași, «Analele științifice ale Universității «Al. Cuza» din Iași» (serie noua), Secțiunea III (Științe sociale), Tomul I, anul 1955, Fasc. 1—2, рис. 10, 8.

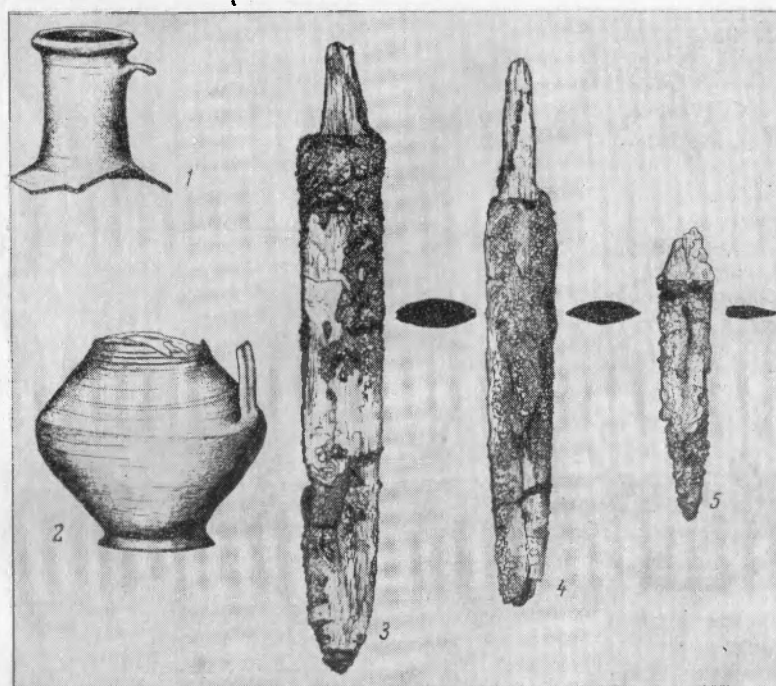

Рис. 5. Моги́льник Кагу́л; 1, 2 — круговые кувшины, 3, 4 — мечи, 5 — кинжал

украшений и бытовых предметов есть объекты, встречаемые главным образом в позднесарматских моги́льниках. Так, в моги́льниках Боканы, Токмазея, Чишмя, Ленковцы, Ларга, Миток, Тыргшор найдены мелкие бусы или бисер, изготовленные из пасты или стекла белого либо синего цвета. Эти бусы и бисер использовались в ожерельях и для обшивания одежды (рис. 6, 4).

В погребении моги́льника Миток наглядно видно разнообразное применение бус. Найденные на лбу и у ушей были нашиты на головной убор или диадему. На длинном женском одеянии, застегнутом на левом плече фибулой, снизу также были нашиты бусы в виде каймы. От ожерелья остались бусы в области шеи²³.

Характерной, но более редкой находкой для позднесарматских моги́льников являются бронзовые бубенчики пирамидальной (Боканы, Кэсчореле) или конусообразной (Тыргшор, Негурены, рис. 6, 1) формы. В моги́льнике Валя Лупулуй — бубенчик конусообразный с орнаментальными прорезями, видимо, более поздний. Эти бубенчики входили в состав ожерелий или нашивались на одежду.

Керамика в позднесарматских могилах разнообразна. Многие сосуды выполнены в технике, возникшей под влиянием позднеантичного керамического дела. То же можно сказать о формах сосудов. Они попали к сарматам, вероятно, в результате обмена с местными земледельческими племенами. Однако среди керамики выделяются группы сосудов, типичных именно для сарматов и, как правило, не встречающихся на поселениях и моги́льниках соседних земледельческих племен. Так, в моги́ль-

²³ C. S. Nicolăescu-Plopșor și N. Zaharia, *Cercelările de la Mitok, MCA, vol. VI, București, 1959, стр. 20—21.*

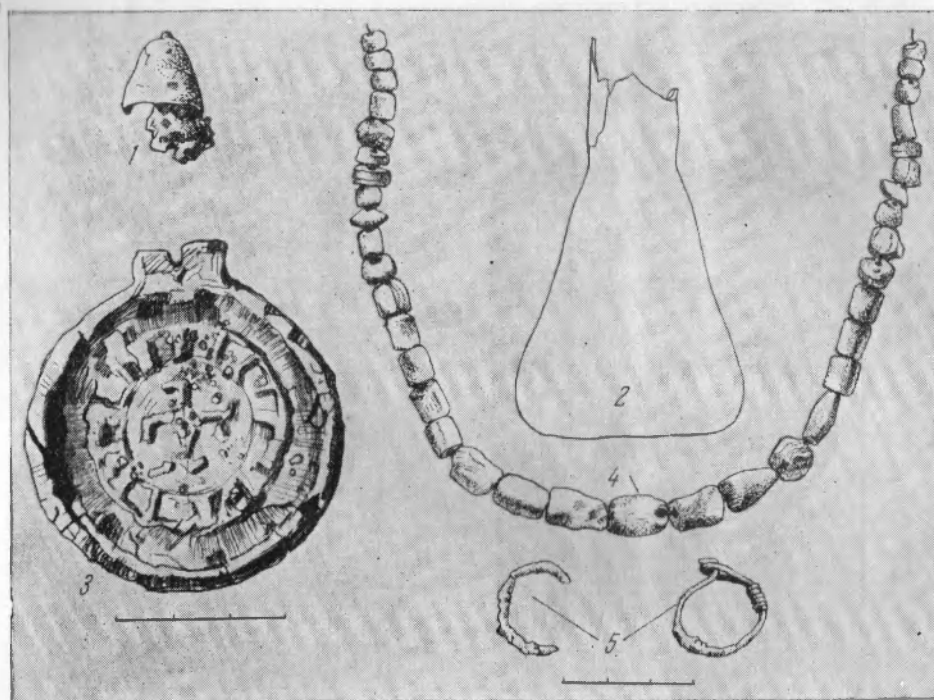

Рис. 6. Могильник Негурены; находки из погребения женщины: 1 — бронзовый колокольчик, 2 — стеклянный флакон, 3 — бронзовое зеркало, 4 — ожерелье, 5 — бронзовые серьги

никах Боканы, Токмазея, Негурены (рис. 5, 3), Вишора (рис. 8, 4), Ларга, Койнаж, Жилава, Тыргшор найдены характерные небольшие лепные горшки с хорошо выраженными горловинами, высокими тюльпановидными венчиками, выразительными боками или плечами на толстых плоских днищах. Цвет сосудов — коричневый, в тесте примесь шамота. Такие горшочки найдены в позднесарматских могильниках не только Днестровско-Дунайского междуречья, но и в памятниках Поднепровья²⁴ и Поволжья²⁵. Очень типичны для позднесарматских памятников одноручные кувшины серого цвета с орнаментацией в виде пролощенных вертикально полос, хотя они и менее распространены; выполнены они на гончарном станке из хорошо отмученной глины; обжиг сквозной. Эти кувшины найдены в могильниках Боканы, Ларга, Жилава, Татина, Кэсчореле²⁶, Валя Лупулуй²⁷. Среди керамических изделий, распространенных преимущественно у поздних сарматов, следует упомянуть конические (грибовидные) пряслица, найденные в могильниках Боканы, Токмазея (рис. 3, 2), Тыргшор.

Весьма характерны для позднесарматских могильников небольшие круглые зеркала-подвески с боковой плоской прямоугольной ручкой. Эти зеркала отливались из бронзы или белого металла в формах. Такие

²⁴ Е. Ф. Покровська, Г. Т. Ковпаненко, Могильник біля с. Калантаєво, «Археологія», т. XII, Київ, 1961, рис. 6.

²⁵ И. В. Силицын, Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953), МИА СССР, № 60, М., 1959, рис. 18, 10, 13.

²⁶ S. Morintz, Ein sarmatisches Grab aus Căscioarele, «Dacia», nouvelle série, IV, București, 1960, стр. 553—554.

²⁷ M. Dinu, Указ. раб., рис. 10, 8.

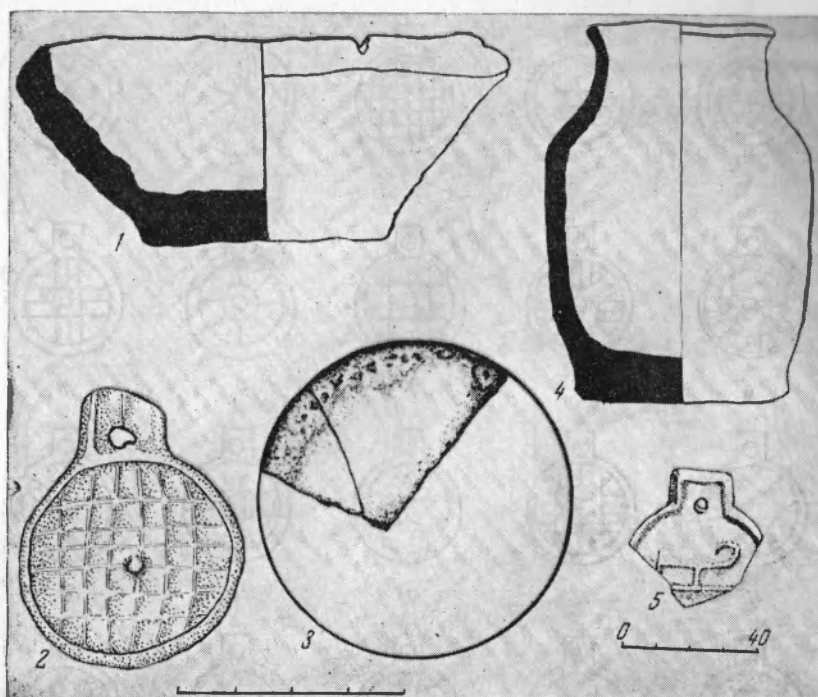

Рис. 7. Находки из позднесарматских могильников: 1 — лепная мисочка, 2 — зеркальце из белого металла (Комрат), 3 — зеркальце из белого металла (Зернешты), 4 — лепной горшок, 5 — зеркальце из белого металла (Вишорэ)

зеркала сарматы изготовляли сами, о чем свидетельствует находка на поселении III в. Милитарь-Бухарест²⁸ глиняной литейной формы для стливки зеркал со знаком «Н» на оборотной стороне. Зеркала найдены почти во всех известных позднесарматских могильниках: Боканы, Токмазея, Маркоуцы, Негурены (рис. 6, 3), Комрат (рис. 7, 2), Вишора (рис. 7, 5), Чимишлия, Чишмя, Зернешты (рис. 7, 3), Градиштя, Флорешты, Ленковцы, Ларга, Кэлэраш, Дриду, Поянешть, Миток, Койнажь, Жилава, Тыргшор. Эти зеркала подвешивались на шею (Койнажь, Тыргшор, Боканы) или к поясу (Миток, Тыргшор, Боканы) и имели, кроме прочих, значение амулета.

В некоторых могильниках (Маркоуцы, Вишора, Зернешты, Тыргшор, Фокшаны, Ларга) зеркала были разбиты, в чем проявляются типично сарматские черты погребального ритуала. Зеркала-подвески с боковой плоской прямоугольной ручкой широко известны на юге СССР: в Нижнем Поволжье, Придонье, на Северном Кавказе, в Прикубанье, Крыму, степных районах Приднепровья в памятниках II—IV вв. н. э.²⁹

Узоры на зеркалах из могильников Днестровско-Дунайского междуречья разнообразны. Это древний магический знак — свастика (Негурены); х-образные значки (Маркоуцы); решетка (Комрат); крестообразная фигура на заштрихованном фоне (Чимишлия). Наиболее

²⁸ Ch. Diaconu, Despre sarmați la Dunărea de jos în lumina descoperirilor de la Tirgșor, «Studii și cercetări de istorie veche» (SCIV), 2, anul XIV, București, 1963, стр. 328. Зеркала из Маркоуц были подвергнуты спектральному анализу в лаборатории Ин-та археологии АН СССР. В их состав входят олово, свинец и в незначительных количествах другие вещества.

²⁹ И. В. Силицын, Древние памятники в низовьях Еруслана, «Древности Нижнего Поволжья», т. II, МИА СССР, № 78, М., 1960, стр. 164.

Рис. 8. Узоры на позднесарматских зеркалах: 1 — Негурены, 2 — Вишора, 3 — Комрат, 4 — Токмазея, 5, 6 — Маркоуцы, 7 — Чимишлия, 8—10 — Боканы, 11 — Ларга, 12 — Койнаж, 13 — Дриду, 14 — Миток, 15 — Ларга, 16 — Холбока, 17 — место находки неизвестно (РНР), 18—20 — Тыргшор

интересен знак, напоминающий лежащую букву «Н» (Вишора, Дриду, Тыргшор, Шендрень), который связывается с родовым знаком боспорского царя Ининфимея (III в.)³⁰. На зеркале из могильника Холбока имеется изображение, восходящее, по-видимому, к греческой букве λ. Среди нескольких боканских зеркал наблюдаются только два типа: с изображением солнечного диска и квадратом с отходящими от его сторон расположенными крест-накрест перпендикулярными лучами. Квадрат и треугольник с отходящими от них лучами лежат в основе изображений на зеркалах из могильников Койнаж, Миток и Тыргшор. Некоторые зеркала лишены сложного узора, на них имеются только орнаментальные выпуклости и линии (Ларга, Тыргшор) (рис. 8).

Большинство изображений на зеркалах из Молдавии аналогично изображениям, имеющимся на таких поделках, найденных в Поволжье, Прикубанье, Крыму и городах Боспорского царства³¹. Фигуры в виде решеток встречены только в Молдавии. Можно предположить, что появ-

³⁰ Э. И. Соломоник, Сарматские знаки Северного Причерноморья, Киев, 1959, стр. 24.

³¹ Там же, стр. 37.

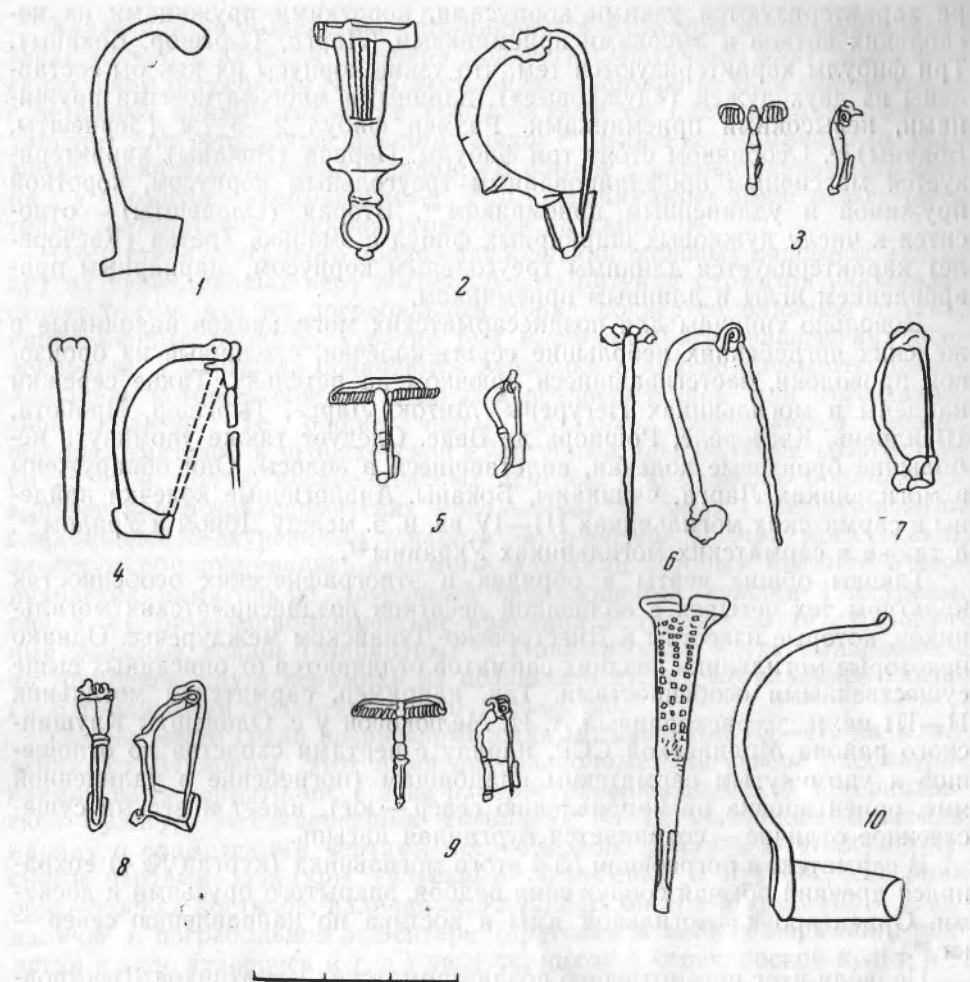

Рис. 9. Фибулы из позднесарматских могильников: 1 — Ларга, 2 — Олонешты, 3 — Зернешты, 4 — Тыргшор, 5—9 — Боканы, 10 — Кэсчореле

ление в позднесарматских погребениях, раскопанных между Днестром и Дунаем, зеркал с изображением родового знака боспорского царя Инифимея, характерных главным образом для Боспора³², связано с продвижением сарматов из района Боспора на земли между Днестром и Дунаем.

Фибулы — довольно редкие находки в могильниках поздних сарматов. Вероятно, это прежде всего результат слабой изученности памятников этого типа, — ведь в могильнике Боканы, где вскрыто 20 погребений, найдено пять фибул (рис. 9, 5—9). Все найденные фибулы в могильниках Ларга (рис. 9, 1), Кэсчореле (рис. 9, 10), Олонешты (рис. 9, 2), Зернешты (рис. 9, 3), Пробота, Тыргшор (рис. 9, 4), Боканы снабжены пластинчатыми неподвижными приемниками. Такие фибулы относятся к II—III вв. н. э.³³ Из десяти зафиксированных экземпляров фибул четы-

³² Э. И. Соломоник, Указ. раб., стр. 36.

³³ А. Я. Фурманська, Фибулы з розкопок Ольвії, «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 88.

ре характеризуются узкими корпусами, короткими пружинами из нескольких витков и высокими приемниками (Ларга, Тыргшор, Боканы). Три фибулы характеризуются тем, что узкие корпусы их как бы составлены из двух дужек («дужковые»), длинными многовитковыми пружинами, невысокими приемниками. Размер фибул 2—3 см (Зернешты, Боканы)³⁴. Особняком стоят три фибулы. Первая (Боканы) характеризуется массивным профилированным треугольным корпусом, короткой пружинной и удлиненным приемником³⁵. Вторая (Олонешты) — относится к числу дужковых шарнирных фибул с эмалью. Третья (Кэсчореле) характеризуется длинным треугольным корпусом, шарнирным креплением иглы и длинным приемником.

Довольно типичны для позднесарматских могильников находимые в женских погребениях небольшие серьги-колючки, сделанные из бронзовой проволоки, застегивавшиеся крючком на петельку. Такие сережки найдены в могильниках Негурены, Миток, Ларга, Тыргшор, Пробота, Шендрень, Кэсчореле, Рошиорь де Веде. Следует также упомянуть небольшие бронзовые колючки, вплетавшиеся в волосы. Они обнаружены в могильниках Ларга, Фошканы, Боканы. Аналогичные колючки найдены в сарматских могильниках III—IV вв. н. э. между Доном и Уралом³⁶, а также в сарматских могильниках Украины³⁷.

Таковы общие черты в обрядах и этнографических особенностях культуры тех четырех с половиной десятков позднесарматских могильников, которые известны в Днестровско-Дунайском междуречье. Однако некоторые могильники поздних сарматов отличаются от описанных выше существенными особенностями. Так, например, сарматский могильник II—III вв. н. э., раскопанный А. И. Мелюковой у с. Олонешты Каушанского района Молдавской ССР, наряду с чертами сходства по отношению к упомянутым сарматским кладбищам (погребение в удлиненной яме, ориентировка по направлению север — юг), имеет и весьма существенное отличие — сохраняется курганный насыпь.

В сарматском погребении № 4 этого могильника (курган № 4) сохранился древний обычай сооружения подбоя, закрытого брусками и досками. Ориентировка могильной ямы и костяка по направлению север — юг³⁸.

Подводя итог рассмотрению позднесарматских памятников Днестровско-Дунайского междуречья, можно заключить, что их основные черты, каждая в отдельности и все в совокупности, совпадают с теми, которые отмечены для более восточных памятников сарматов в Поднепровье и Поволжье. На огромной территории своего распространения позднесарматская культура характеризуется однообразием³⁹. Таким образом, зону распространения сарматской культуры первых веков н. э. надо отодвинуть к Дунаю.

Отличительные особенности позднесарматских памятников Днестровско-Дунайского междуречья по сравнению с более восточными памятниками поздних сарматов связаны с тем, что племена этого района попали под особенно сильное воздействие позднеантичной культуры. На них оказывали влияние соседи, в особенности гето-дакийские племена.

³⁴ Близкую аналогию см. там же, табл. V, 8, стр. 88 (II—III вв. н. э.).

³⁵ Близкую аналогию см. там же, табл. V, 11, стр. 88 (II—III вв. н. э.).

³⁶ Р. Рау, Указ. раб., стр. 110—112, рис. 22.

³⁷ Е. Ф. Покровская, Указ. раб., рис. 7, 10.

³⁸ А. И. Мелюкова, Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты, «Сов. археология», 1962, № 1.

³⁹ К. Ф. Смирнов. Итоги и основные задачи изучения сарматских племен и их культуры, «Сов. археология», XVII, 1953, стр. 138.

Характеризуя воздействие гето-дакийской культуры на позднесарматскую, можно в качестве примера привести следующий факт: в позднесарматском погребении № 184 могильника Тыргшор найден лепной сосуд с четырьмя орнаментальными выпуклостями на плечах; такие горшки типичны для гето-дакийских памятников⁴⁰. Влияние германцев на сарматов засвидетельствовал Иордан: «В обычае у племен перенимать имена... у сарматов — германские»⁴¹. Это «перенимание» имен может быть только результатом влияния германцев на сарматов.

Отсутствие курганного обряда захоронений, меловых подсыпок и ряда других существенных черт погребального ритуала сарматов свидетельствует о том, что их погребальный обряд подвергся влиянию других, иноплеменных обрядов, утратив ряд племенных этнографических особенностей. У сарматов появляются керамика и другие предметы, происхождение которых связано с кругом позднеантичной или гето-дакийской культур. Те общие черты, которые наблюдаются между позднесарматской и черняховской культурами, объясняются воздействием на ту и другую позднеантичных центров. Это сходство проявляется в инвентаре позднесарматских могильников, сходных с черняховскими кладбищами безкурганном обрядом захоронений. В этих могильниках зачастую обнаруживались предметы, аналогии которым имеются в черняховских памятниках: двуручный чернолощенный кувшин (Негурены, рис. 4, 4), биусеченно-конические пряслица (Старая Сарата), одноручные лощеные ковши (Маркоуцы)⁴². Подавляющая часть выполненной на гончарном круге керамики из позднесарматских могильников связана с традициями позднеантичного гончарства.

Особое место среди позднесарматских могильников (II—III вв. н. э.) занимают Ленковцы. Этот памятник расположен на севере рассматриваемой нами территории, в зоне распространения липицкой и черняховской культур. Исследовавшая могильник А. И. Мелюкова отметила наряду с сарматскими чертами погребального ритуала и этнографическими чертами культуры (впускные погребения в кургане, северная ориентировка костяков, наличие зеркала, бус, бисера и пряслица и т. д.) наличие в погребальном инвентаре (круговая и лепная керамика, подвески в виде ведерочек и т. д.) черт липицкой и черняховской культур⁴³. Фиксируя это, необходимо учитывать, что сами поздние сарматы в это время были этнически неоднородны. Так, в Боканском могильнике часть черепов — круглоголовые сарматские, а остальные принадлежат мезо- и долихокефальному местному населению⁴⁴.

В этом отношении наиболее показательна близость облика селищ черняховцев и сарматов. Сходные общественно-экономические условия существования оседлых сарматов и черняховцев вызвали появление одинакового облика их поселений. И только могильники позволяют сказать, что перед нами сарматы, а не черняховцы, так как сарматы соблюдали иной погребальный ритуал, и этнографический облик их культуры не таков, какой был характерен для черняховцев.

⁴⁰ Ch. Diaconi, Указ. раб., стр. 328.

⁴¹ Иордан, О происхождении и деяниях гетов, «Getica», М., 1960, стр. 77, § 58.

⁴² Н. А. Кетрару, Материалы к археологической карте Молдавии, ГИМК, Труды, 1960, стр. 120.

⁴³ А. И. Мелюкова, Памятники скифского времени на Среднем Днестре, «Краткие сообщения ИИМК», вып. 51, М., 1953, стр. 65—67.

⁴⁴ М. С. Великанова, Антропологический состав населения Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э., Тезисы докладов первого симпозиума по археологии и этнографии юго-запада СССР, Кишинев, 1964, стр. 47.

В литературе сарматов характеризуют традиционно как кочевых скотоводов⁴⁵. Действительно, основная часть степных сарматов оставалась кочевыми скотоводами. Именно их подвижностью объясняются находки по большей части одиночных сарматских погребений в курганах эпохи бронзы. Однако можно отметить явные признаки оседания сарматов, усвоения земледелия и ремесел. Позднесарматские селища обнаружены близ могильников Боканы, Маркоуцы, Негурены (Молдавская ССР); Трушешть, Валя Лупулуй, Ларга, Миток и Балинтешть (РСР). Показательно сходство керамики на могильниках и селищах. Вероятно, обитатели селищ использовали соседние могильники. Наличие предполагаемых сарматских селищ согласуется с данными Страбона (I в. н. э.) об оседании сарматских племен и постепенном переходе их к занятию земледелием⁴⁶. Аммиан Марцеллин и другие авторы IV в. н. э. писали о сарматах-лимигантах и аркарагантах левобережья Дуная (Банат, территория РСР). Первые, оседлые земледельцы, были рабами (*servi*) вторых — кочевников⁴⁷. На поселениях близ сарматских могильников, которые изучены слабо, обнаружены остатки жилищ-землянок (Ларга, Балинтешть). Видны признаки земледелия и скотоводства (Боканы, Ларга), различных производств (Боканы). Облик керамики на селищах Маркоуцы и Боканы совершенно черняховский. Совпадают особенности топографии черняховских и позднесарматских памятников. Вообще уровень развития материальной культуры, выявленной на селищах, и ее характерные особенности весьма близки, а порой идентичны тем, которые установлены на памятниках черняховской культуры. Поэтому можно с уверенностью считать, что среди пяти сотен селищ первых столетий нашей эры, зафиксированных, например, в Молдавии, немало сарматских памятников.

Наличие на территории Днестровско-Прутского междуречья, главным образом в Молдавии, свыше пятисот памятников, относящихся к первым столетиям нашей эры, вызвало ряд изложенных Г. Б. Федоровым гипотез, в которых объяснялось это явление. Одна из гипотез объясняла этот факт недолговременностью поселений в условиях экстенсивного земледелия, которое нуждалось в частой смене обрабатываемых участков. Это объяснение не кажется мне исчерпывающим, ему противоречит наличие ряда поселений первых столетий нашей эры, существовавших длительное время (Делакеу, Будешты и тому подобные памятники), хотя отмечены поселения, существовавшие короткое время (Загайканы, Балабанешты и т. д.). Все же учитывать возможность перемещения поселков необходимо.

Другая гипотеза объясняет необычную сгущенность поселений первых столетий нашей эры тем, что это поселения варваров, которые в III—IV вв. сосредоточились вдоль лимеса Римской империи, не имея возможности прорваться через лимес. Эта исторически подкупающая гипотеза имеет, однако, свою слабую сторону: на территории Румынской Социалистической Республики где, казалось бы, у самого лимеса должно быть особенно много варварских поселений, их известно пока сравнительно мало, может быть потому, что недостаточно интенсивны были археологические разведки.

К изложенным выше гипотезам можно добавить третье объяснение: не все памятники первых столетий нашей эры одновременны, среди них

⁴⁵ О. В. Кудрявцев, Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи, М., 1957, стр. 233.

⁴⁶ Страбон, География, VII, 3, 18, ВДИ, 1947, № 4, стр. 200.

⁴⁷ Аммиан Марцеллин, История, XVII, 3, 1. Этот вопрос подробно рассмотрен в работе E. Chirilă, *Frământări sociale la sarmați în secolul IV e. n.* CSIV, t. II, № 2, 1951.

имеется группа памятников, наделенных ярко выраженными особенностями позднесарматской культуры, предшествующей и, может быть, частично синхронной классическим черняховским памятникам Днестровско-Дунайского междуречья (Будешты, Малаешты, Балцаты, Спащов, Изворе и т. п.).

Для позднесарматской культуры исследователи предлагают дату III—IV⁴⁸ или II—IV вв. н. э.⁴⁹ Румынские археологи датируют позднесарматские могильники III, III—IV или IV в. Необходимо отметить, что наиболее древние среди позднесарматских могильников Скаены и Токмазея относятся к рубежу нашей эры. Не случайно эти памятники обнаружены на востоке изучаемой территории, в Днестровско-Прутском междуречье: ведь движение сарматов происходило с востока на запад. Для остальных позднесарматских памятников Днестровско-Прутского междуречья представляется правильной дата: II—III вв. н. э. Так, Боканские могильник и селище относятся к II—III вв., судя по находкам в погребениях фибул с высокими приемниками и ряда римских изделий. К этому времени относятся могильники Олонешты и Зернешты⁵⁰, судя по найденным в них фибулам. По отношению к памятникам поздних сарматов между Прутом и Дунаем представляется наиболее приемлемой дата, предложенная С. Моринцем и Г. Бехир, — III в. н. э. Наиболее поздним сарматским могильником Днестровско-Дунайского междуречья является могильник Валя Лупулуй (у Ясс). Среди погребений этого могильника, где найден обычный для поздних сарматов инвентарь, обнаружена могила I, где находился костяк подростка-девушки, ориентированный по направлению запад — восток, а на нем найдены два бронзовых колечка-сережки и два браслета из бронзовых прутков с несомкнутыми расширенными концами. На основании этой последней находки предполагается дата погребения: конец IV — начало V в. н. э.⁵¹

Изложенные факты позволяют уточнить представления о взаимоотношении позднесарматской и черняховской культур. Причем стало ясным, что наряду с сарматскими элементами в черняховских памятниках, правильно и убедительно охарактеризованными в работах Г. Б. Федорова, выделяются собственно позднесарматские памятники, предшествующие, а может быть иногда синхронные памятникам собственно черняховской культуры. Это положение хорошо обосновано С. Моринцем, Г. Диакону, Г. Бехир по отношению к памятникам Румынии. Оно подтверждается материалами из памятников Днестровско-Прутского междуречья.

Перечисленными чертами погребального обряда и инвентаря охарактеризованные выше памятники отличаются от классических могильников черняховской культуры, где отдельные черты сарматской культуры представлены в изобилии, но наиболее яркие особенности сарматских кладбищ отсутствуют. Так, в могильниках Будешты и Малаешты, где вскрыто, соответственно, 362 и 39 погребений, обнаружены наряду с труположениями трупосожжения. Костяки черняховских могильников, в отличие от позднесарматских, ориентированы как по направлению север — юг, так и по направлению запад — восток. В этих могильниках нет случаев деформирования черепов. Для этих могильников не отмечены найденные в позднесарматских погребениях зеркала, мечи, керамика с вертикальным лощением, конусообразные пряслица, лепные сосуды

⁴⁸ Р. Рау, Указ., раб., стр. 110—112.

⁴⁹ К. Ф. Смирнов, Указ. раб., стр. 137; М. Э. Вязьмитина, Вивчення сарматів на території УРСР, «Археологія», т. VIII, Київ, 1953, стр. 60—61.

⁵⁰ А. Н. Кетрару и Э. А. Рикман, Указ. раб., стр. 9.

⁵¹ М. Діпц, Указ. раб., рис. 10, 8.

с высокими венчиками, фибулы с высокими пластинчатыми приемниками. Бисер изредка встречается; это свидетельствует о сарматском влиянии на быт черняховцев.

В связи с изучением инвентаря погребения № 4 кургана № 4 позднесарматского могильника Олонешты возникает вопрос еще о заметном различии между памятниками позднесарматской и черняховской культур. В этом погребении II—III вв. н. э. сарматского аристократа найдено большое число ценных импортных изделий: краснолаковый сосуд для вина в виде барана, деревянные чаши для питья, блюдо и пиксида, бронзовые чаши, кувшин, ситечко, фибула и т. д. В Боканском могильнике II—III вв. н. э. также найдено большое количество импортной краснолаковой посуды (40% гончарной посуды). В еще большей степени это относится к сарматскому погребению конца IV — начала V в. н. э. у села Концешты. Подобного скопления дорогостоящих импортных вещей не наблюдается ни в одном погребении могильников черняховского типа. Такие большие отличия в инвентаре могут вызываться социальными причинами: большим богатством и господствующим положением отдельных представителей или целиком сарматских племен, а также большей подвижностью сарматов по сравнению с черняховцами и поэтому большей возможностью связей с городами Северного Причерноморья и Дакией.

Есть еще и третье объяснение: позднесарматские памятники относятся к периоду, несколько более раннему, чем памятники черняховской культуры, поэтому разгром готами городов Северного Причерноморья в III в. н. э. не сказался на составе импортного материала позднесарматских памятников, как сказался на материале черняховских памятников, где импортных изделий гораздо меньше.

Все изложенное показывает, что позднесарматские племена обладали довольно развитой культурой с ясно выраженными этнографическими особенностями. Условия обитания — не цельным этническим массивом, а попеременно с поселениями дако-гетов, карпов, кельтов, германцев и славян — благоприятствовали тому, что позднесарматская культура оказывала глубокое влияние на культуру соседей. Это сильное влияние особенно выявилось в эпоху великого переселения народов, когда, по выражению Ф. Энгельса, «продолжительные походы перемешивали не только племена и роды, но и целые народы»⁵². О перемешивании племен, относящихся к различным этническим общностям, имеются прямые указания древних историков и географов. Весьма интересными в этом отношении мне кажутся этнонимы тирагеты — сарматы⁵³ у Птолемея и венеды — сарматы в Певтингеровых таблицах⁵⁴.

Сарматы оказали существенное влияние на формирование этнографического облика культуры и погребального обряда карпов, относящихся к гето-дакийской группе племен. Это воздействие осуществлялось не только в условиях контакта карпов и сарматов, проживающих в соседних, близко расположенных поселениях. Карпы селились в сарматских селищах, а сарматы — в карпских. Факты подобного проникновения наблюдаются в могильниках Пояпешть⁵⁵ и Габэра⁵⁶, где наряду с сармат-

⁵² Ф. Энгельс, Франкский период, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, М., 1961, стр. 466.

⁵³ Птолемей, Географическое руководство, III, 10, 7, ВДИ, 1948, № 2, стр. 242.
⁵⁴ K. Miller, Weltkarte des Caesarius genannt die Peutingerische Tafel, Ravensburg, 1888.

⁵⁵ k. Vulpe, Săpăturile de la Poienesti, «Materiale arheologice privind istoria veche a R. P. R.», vol. I, București, 1953, стр. 435, 502.

⁵⁶ Ch. Bichir, Necropolele de tip Poienesti din Moldova și relațiile acestor necropole cu lumea sarmata, SCIV, 2, anul XII, 1961, стр. 263.

скими трупоположениями обнаружены карпские трупосожжения, относящиеся примерно к тому же времени.

Не останавливаясь подробно на фактах выразительного влияния сарматов на формирование этнографического облика культуры карпов карпато-днестровских и карпато-дунайских земель в III в. н. э., отразившегося в керамике карпов, в применении ими бус, обычно использовавшихся сарматами, и т. д., перейдем к рассмотрению более важных фактов влияния сарматов на погребальный обряд карпов. Так, в карпском могильнике Поянешть среди характерных для этого племени трупосожжений найдены три урны с ручками в виде медвежат (характерный для сарматов изобразительный мотив). В двух погребениях с трупосожжениями обнаружены сарматские зеркала. Кроме того, в карпских трупосожжениях этого могильника найдены ромбическая фибула с эмалью, бусы, которые обычно находят в сарматских погребениях⁵⁷.

Влияние сарматов ощущается в погребальном обряде карпского могильника Габэра, в одном из трупосожжений которого найдена урна, аналогичная поянештским, с ручками в виде фигурок медвежат. В другом трупосожжении того же могильника обнаружен такой типичный для сарматских погребений предмет, как колокольчик⁵⁸.

В трупосожжениях карпских могильников Пэдурень и Виртешкойю найдены сарматские зеркала и излюбленные сарматами бусы⁵⁹. Эти примеры позволяют со всей очевидностью констатировать влияние сарматов на карпов.

Наблюдаются многочисленные факты активного влияния сарматов на германцев Подунавья. При рассмотрении вопроса об этническом смешении сарматов и германцев на территории к югу от Дуная необходимо привлечь данные о происхождении римского императора Максимиана (235—238 гг.). Он был, как свидетельствует Иордан, «родом из Фракии от родителей низкого происхождения, от отца гота по имени Микка и от матери аланки, которую звали Абаба»⁶⁰. Этот факт особенно важен тем, что фиксирует смешения в социальных низах алан и готов. Германцы среднего Подунавья в V в. н. э. переняли у сарматов обычай искусственно деформировать черепа, помещать в погребения зеркала и длинные сарматские мечи. Показательно, что даже характерный сарматский обычай разбивать зеркала перед их помещением в погребения был воспринят германцами⁶¹. Перечисленные факты влияния сарматов на погребальный обряд германцев могут быть объяснены только прямым смешением этих племен.

Во II—III, а в особенности IV вв. н. э. в Днестровско-Дунайских землях распространяется черняховская культура, вытесняющая или поглощающая ранее существовавшие культуры. Основными создателями и носителями черняховской культуры в упомянутом выше районе были фракийские⁶² (гето-дакийские и карпские племена), упомянутые древними авторами как основное население этого района. В эти столетия в Днестровско-Дунайское междуречье проникают германские племена

⁵⁷ R. Vulpe, Указ. раб., стр. 435, 502.

⁵⁸ I. Antonescu, Săpăturile arheologice de la Gabăra, MCA, vol. VII, București, 1961, рис. 4.

⁵⁹ S. Mozintz, Ch. Bichir, Săpăturile, de la Pădureni, MCA, vol. VI, București, 1959, стр. 491.

⁶⁰ Иордан, О происхождении и деяниях гетов, стр. 82, § 83.

⁶¹ I. Werner, Указ. раб., стр. 22, 38, 90 и 93.

⁶² М. А. Тиханова, О локальных вариантах черняховской культуры, «Сов. археология», 1957, № 4, стр. 194.

(готы, гепиды и тайфалы), венеды. Все эти племена также были носителями черняховской культуры, складывавшейся под мощным влиянием позднеантичной культуры, исходившим из римских провинций Дакия и Мезия и городов Северного и Западного Понта.

Факты влияния, оказанного сарматами на формирование производства и быта черняховцев (керамика, оружие, украшения), весьма обильны⁶³. Обратимся к фактам, свидетельствующим о более глубоких этнических связях и смешениях с сарматами, которые дает анализ антропологического материала и погребального инвентаря могильников черняховского типа.

Антропологический материал из могильника Будешты наглядно показывает проникновение сарматов в черняховские поселения и их проживание там вместе с черняховцами⁶⁴. Установлено, что в основной по численности группе погребений, характеризующейся в отношении погребального обряда вытянутым положением костяков, преобладает мезо-долихокранный тип европеоидной расы. Наряду с ним имеется примесь брахикранного типа, характерного для сарматов Поволжья, встречающаяся преимущественно у костяков с согнутыми и скрещенными ногами, что характерно для позднесарматского погребального обряда. Отсутствие достаточно многочисленной мезокранной (промежуточной) группы в Будештах позволило высказать мнение, что будештские сарматы представляют собой механическую примесь к основному типу, представленному в могильнике. Это позволяет говорить о проживании черняховцев и сарматов на одном поселении Будешты.

Воздействие сарматов ярко выявляется в погребальном ритуале черняховских могильников. Полагают, что обряд трупоположения в биригуализм черняховцев привнесен сарматами⁶⁵. Этот взгляд вызывает ряд возражений, но пронизанность погребального ритуала трупоположений сарматскими влияниями бесспорна. В качестве примера приведу могильник Будешты⁶⁶. Это типичный для черняховской культуры памятник, в котором сарматское влияние выражено несколько ярче, чем в других могильниках черняховского типа. В этом могильнике наблюдаются следующие черты погребального ритуала, являющиеся результатом влияния поздних сарматов: наблюдаются костяки со скрещенными ногами (то же отмечено в могильниках Черняховском и Масловском); костяки с подогнутыми ногами и скорченные (то же отмечено в могильниках Малаештском, Черняховском, Ромашки, Привольное, у совхоза Приднепровского); заплечики могильных ям (то же отмечено в могильниках Малаештском, Переяславль-Хмельницком и у совхоза Приднепровского). В этой же связи надо упомянуть о преобладании в трупоположениях могильника Будешты северной ориентировки, обнаружении колод и гробов (то же отмечено в Малаештском могильнике), подбоя (то же отмечено в Малаештском могильнике) и подсыпки красной краской, а также о положении рук на груди или тазе. Сарматской чертой погребального ритуала могильника Будешты являются захоронения головы и ног лошади среди погребений могильника, а также обнаруженные в могильных ямах кости, сохранившиеся от частей туш баранов или овец, и ря-

⁶³ Ю. В. Кухаренко, К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях (по данным погребального обряда), «Сов. археология», 1954, XIX.

⁶⁴ М. С. Великанова, Палеоантропологический материал из могильников черняховской культуры Молдавии, «Антропологический сборник», III, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. LXXI, М.—Л., 1961, стр. 34.

⁶⁵ Г. Б. Федоров, О двух обрядах погребения в черняховской культуре (по памятникам Молдавии), «Сов. археология», 1958, № 3.

⁶⁶ Э. А. Рикман, Погребальные обряды Будештского могильника, «Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавии», Кишинев, 1964.

дом — ножи. Таким же образом следует трактовать прослеженный в могильнике Будешты обычай засыпать могилу горячим костром (то же отмечено в Малаештском могильнике).

Подводя итоги сказанному выше, можно констатировать глубокое взаимопроникновение культур черняховцев и поздних сарматов, возможное лишь при существовании самых тесных связей между ними. Сарматы поселяются на черняховских селищах, вместе с черняховцами организуют походы против Римской империи. Особенно глубоко преобразовали этническое лицо черняховцев браки между ними и сарматами. В этой связи уместно вспомнить известное сообщение Тацита о браках сарматов с их соседями.

На рубеже и в первых столетиях нашей эры мощное влияние сарматов ощущается не только в пределах «варварского» мира, но и в высоко развитых греческих рабовладельческих городах Западного и Северного Причерноморья. «Прежнего гражданина, — пишет, касаясь Северного Причерноморья, В. Д. Блаватский — сменяет одетый в кочевническую одежду конный воин»⁶⁷. Под влиянием сарматов происходят значительные изменения в быту и в культурной жизни городов Западного Причерноморья. Так, в Тире в первых веках нашей эры в обиходе горожан появляется лепная керамика, форма которой близка формам сарматской посуды⁶⁸, а также посуда, сделанная на круге, с вертикальными проложенными линиями — орнаментацией, столь типичной для керамики сарматов. В обиходе тиритов появились такие типично сарматские вещи, как зеркала⁶⁹. Сарматизация городов Западного Причерноморья была вызвана не только культурным контактом их населения с сарматами, но и проникновением сарматов в эти города. Сарматы поселяются в Тире, Томи, Истрии. Из надписей II в. н. э. известно, что сарматы входили в состав населения Тиры⁷⁰. По отношению к Истрии и Томи это известно благодаря изучению некрополей этих городов, где найдены костяки с деформированными черепами, относящиеся к II—V вв. н. э.⁷¹. Сосланный в Томи Овидий, описывая городские нравы, замечает: «Больше сарматского и гетского народа движется на конях взад и вперед по улицам»⁷². Проникая в греческие города, сарматы активно влияли на культуру населения этих городов. Браки греков с сарматами меняли этническое лицо греческих городов. Об этом говорит анализ надписи на надгробии гражданина Тиры. Поставившие сыну, Тириту, надгробие родители были: отец — греком (Аврелий Гераклид), а мать — сарматкой — Магадава⁷³.

Из сообщений древних историков в Днестровско-Дунайском междуречье известны племенные союзы алан и роксолан, а в междуречье Дуная и Тиссы — языги. Отличительные особенности этих племен прослеживаются с трудом. Однако ряд погребений можно считать роксоланскими. К ним относится погребение в Фокшанах, судя по находке в нем мела⁷⁴.

⁶⁷ В. Д. Блаватский, *Античная археология*, М., 1961, стр. 162.

⁶⁸ А. И. Фурманская, *Античный город Тира*, сб. «Античный город», М., 1963, стр. 50.

⁶⁹ Там же, стр. 49.

⁷⁰ А. И. Фурманская, *Археологічні пам'ятки Тіри перших століть н. э.*, «Археология», т. X, стр. 93.

⁷¹ С. Моринц, *Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в связи с фокшанским погребением*, стр. 464, 468.

⁷² «Tristia», V, 7, 10, ВДИ, 1949, № 1.

⁷³ Б. Н. Граков, *Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии*, ВДИ, 1939, № 3, стр. 312.

⁷⁴ С. Моринц, *Указ. раб.*, стр. 465.

К числу роксаланских относят диагонально расположенные костяки в могильниках Тыргшор и Смеень⁷⁵. Судя по наличию подбоя в могильной яме, аланским считается погребение могильника Олонешты⁷⁶.

Все сказанное позволяет считать, что сарматы широко расселились в междуречье Днестра и Дуная в первых веках нашей эры. Заселив обширные пространства междуречья, аланы и роксоланы стали одной из ударных сил, сокрушавших Римскую рабовладельческую империю, на развалинах которой возникли феодальные общества средневековой Европы. Сарматы в первых веках нашей эры оказали большое воздействие на формирование «варварского» населения междуречья. Они влияли и на население греческих городов Западного Понта.

SUMMARY

In many historical works dealing with the history of the tribes inhabiting the area between the Dniester and the Danube in the first centuries A. D. no mention is made of the Sarmatians-Alans. Only Rumanian researchers have given them some attention. From the information provided by Ptolemy, Ammianus Marcellinus and other ancient historians we learn of the Sarmatians-Alans distributed in this area and of their high military and political activity. Some 50 Sarmatian burial grounds have been found between Dniester and Danube. Though only the Bököny and Truscest burial grounds have been systematically excavated the summarized data obtained from all Sarmatian cemeteries show the uniformity of the Sarmatian-Alan culture. Extended skeletons have been found oriented from the north to the south. The skulls were often artificially deformed. Men's graves contained swords. Women's graves contained small mirrors made of white metal and small beads for decoration of clothes. The Sarmatians considerably influenced the development of the northern Thracian and German tribes. They played an important role in the formation of the tribes possessing the Chernyakhov culture of the 2nd—4th centuries A. D. Greek towns on the western shores of the Black Sea were a subject to Sarmatization.

⁷⁵ Ch. Диасони, Указ. раб., стр. 324.

⁷⁶ А. И. Мелюкова, Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты, «Сов. археология», № 1, 1962, стр. 208.